

УДК 1(091):316.33

DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.007

Идейная детерминация политико-правовых институциональных преобразований в XX–XXI вв.

Равочкин Никита Николаевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия,
650056, Российская Федерация, Кемерово, ул. Марковцева, 5;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация

Статья является продолжением разрабатываемой автором тематики роли идей в социальной инженерии и посвящена анализу одного из вариантов осуществления идейной детерминации институциональных преобразований в политико-правовой сфере в XX–XXI столетиях. В качестве методологии автор обращается к собственной синтетической исследовательской программе, которая включает в себя множество подходов, среди которых выбраны цивилизационный, средства исторической макросоциологии, меметический и ряд других. Во введении с учетом внесенного автором вклада предлагается абрис статьи. В первой части работы рассматривается мир-системное устройство общепланетарного бытия и констатируется ее идейная детерминация идеями классической социальной философии (видных интеллектуалов Модерна). Следующая часть посвящена изучению глобалистской идеологии (образованной наиболее авторитетными идеями и переартикулированными в соответствии с интересами стран «ядра») в ее «рыночной» версии, органично вписывающейся в валлерстайновскую мир-систему, но, тем не менее, игнорирующей контекстуальные реалии политико-правовых институциональных трансформаций стран «периферии» и «полупериферии». Таким образом, одной из альтернатив осуществления заявленных преобразований в усложняющемся мире, как показывает автор, является «справедливый» вариант идеологии глобализма. В заключение работы подводятся итоги и обобщаются выводы.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н. Идейная детерминация политико-правовых институциональных преобразований в XX–XXI вв. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 4А. С. 150-165. DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.007

Ключевые слова

Идеи, институты, политико-правовые институты, идеология, глобализм, идейная детерминация.

Введение

С древнейших времен в социальной философии идеи обращают на себя внимание мыслителей, обуславливая особенности развития личности, групп, обществ и целых наций. Будучи результатом производства образуемых интеллектуалами сетей, идеи в зависимости от своей значимости могут интериоризироваться и восприниматься в личностном и коллективном аспекте, становясь неотъемлемой частью общественного сознания, обуславливая особенности жизнедеятельности целых сфер социума. Исследовательская тематика автора настоящей работы сосредоточена на практической реализации идей в части оформления и последующей трансформации политико-правовых институтов, имеющих приоритет в обеспечении социального порядка. Иначе говоря, изначальным основанием любого института политико-правовой сферы являются какие-либо идеи. Более того, на протяжении исторического развития кардинальным изменениям подвергаются и идеи, и институты, созданные для выполнения некоторых функций.

Предлагаем рассмотреть, в чем заключается актуальность идейно ориентированной проблематики. Принимая во внимание глубокие трансформации современного общества, появление обуславливающих обновление политико-правовых институтов качественно других в историческом плане концептов («гражданское общество», «цифровое общество», «электронное правительство», «смарт управление»), можно указать, что усложнение мира затрудняет постижение сущности идей и их социального приложения. Современное общество плюралистично, свидетельством чего является отражение множественных непримиримых противоречий (идеологических, культурных, политико-правовых, социально-экономических) между различными группами и даже стратами, приводит к неоднозначности понимания институциональных образований и практик, которые, помимо всего прочего, могут дублировать друг друга, а могут быть малоэффективными, поскольку не совсем ясен их функционал. Соответственно, важным представляется изучение особенностей и выявлений механизмов и закономерностей трансформаций идей в политико-правовом институциональном приложении, что позволит организовать новые эффективные формы человеческого общежития.

Можно сказать, что данная статья выступает продолжением исследования, посвященного изучению идейно детерминации политико-правовых изменений в Античности, Средневековье и эпохе Возрождения [Равочкин, 2018-2], а также Европе и США в эпоху Нового времени [Равочкин, 2018-1]. До начала XXI столетия, особенно после завершения Второй мировой войны, создает такие реалии, при которых общий расклад государственных политических сил свидетельствует, что мир, по словам А. Цыганкова, «может по праву именоваться Вашингтонским» [Цыганков, 2019].

Однако мы считаем, что в мировом порядке ведущая роль, помимо США, принадлежит также ряду стран Западной Европы. Идейное влияние этих государств во многом определило современный облик (но далеко не всегда содержание) политико-правовых институтов большинства стран, прежде всего относящихся к «периферии» и «полупериферии» [Валлерстайн, 2018], к которой относится Россия. Таким образом, понимание особенностей и сущностных характеристик задает необходимость сосредоточиться на институтах стран «ядра», в которых, вероятней всего, наблюдается минимальное искажение идейного воплощения за счет их лидерских позиций в современной системе международных отношений. Отсюда определим цель настоящей работы как изучение идейной детерминации политико-правовых институциональных изменений (на примере стран Западной Европы и США).

Детерминация современной миросистемы нововременными идеями

На сегодняшний день политико-правовые институты более, чем остальные, регулируют различные аспекты жизнедеятельности личности, общества и государства, формируя современную миросистему, представляющую, по словам зарубежных ученых, ее либеральный вариант, поскольку она «характеризуется тремя взаимосвязанными чертами: распространением демократизации, глобализацией торговли и финансовых потоков и формированием сетей, как на уровне межгрупповых взаимодействий, так и международных организаций» [Götz E., Merlen C.-R., 2019, 136]. В соответствии с этим, основу современной мир-системы составляют три базовых концепта: глобализация, демократия, коммуникация, которые детерминируют большинство аспектов функционирования современных международных отношений [Алексеева, 2011].

Демократия и либерализм имеют богатую историю, поэтому истоки формирования идей о, например, таком институте как разделения властей с соответствующим обеспечением их равноправия и равенства всех людей перед законом некоторые ученые видят в эпоху Античности [Геворкян, 2010], другие в – библейских текстах [Рашковский, 2005]. Эти исследователи сходятся на понимании того, что идеи либерализма и демократии зародились в глубокой древности, приведя к формированию определенных особенностей государственного устройства уже в античности (Афины – демократия, Спарта – принцип разделения властей). Однако генезис демократических институтов в их современном виде стоит отнести к эпохе Модерна и, прежде всего, отметить вклад Г. Гроция, Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, труды которых «в совокупности представляют концепцию разделения властей, называемую классической» [Рашковский, 2010, 118].

В современном понимании либеральная идеология и демократическая форма организации власти и политико-правовых институтов находят свое практическое воплощение в США, где под влиянием идей Дж. Локка и французских просветителей была принята Декларация независимости США, оформив концептуальные основы государства как суперинститута. Впоследствии были приняты Конституция, Билль о правах человека, что позволило определить круг полномочий власти в части регулирования политико-правовой и остальных сфер.

Теперь же необходимо пояснить, почему для нас государство является суперинститутом. Как известно, сами институты приводят к появлению первых государств, а «государство» определяется многими исследователями как исторически первый «политический институт». Однако позволим себе не согласиться с устоявшимся мнением, поскольку институты в теории предполагают равнозначность, вне зависимости от их рассмотрения в отдельности. Здесь же можно прокомментировать, что приоритет исследования политико-правовой сферы, соответственно, повышение ее значимости перед другими сферами общественной жизни предполагает большую ответственность ее обеспечивающих структур, которыми выступают институты. Полагаем, многие согласятся, что сравнение институтов государства с самим институтом государства, по меньшей мере, выглядит абсурдным, поскольку оно сосредоточивает их всех. Отсюда наша убежденность полагать государство в качестве комплексного суперинститута.

В европейских странах, которые охватила индустриализация, обновление модерновых политико-правовых институтов было связано с событиями Великой французской революции, прошедшей под девизом Робеспьера «Свобода, равенство, братство». Начиная с революционных событий во Франции, республиканские формы правления были установлены в

большинстве стран Западной Европы, а миросистема стала постепенно приобретать свой современный вид. Так, согласно позиции Ф. Фукуямы, уже с начала XIX столетия (конкретно – с 1806 г.) основные принципы либерально-демократического устройства попросту не подлежат улучшению даже несмотря на обширный перечень задач по магистрали движения к освобождению индивида (предоставление большего объема прав, в том числе и дискриминируемым группам, уничтожение рабства и т.д.) [Фукуяма, 2015].

Обращаясь к прошлому столетию, следует отметить и первые кризисы после реализации идей либерально-демократического государства, которые привели к первым попыткам их пересмотра и соответствующего политико-правовых институциональных изменений. Впервые попытки точечной модернизации асимметрии и искажений идей либерализма в американском социуме предприняты в рамках кейнсианства во времена застоя капиталистического уклада – «Великой депрессии». Краеугольной идеей данного экономически ориентированного направления является императивный характер осуществления государственного вмешательства в систему рыночных отношений и, соответственно, вытекающая отсюда минимизация индивидуальных свобод различных акторов [D'Orlando F., Sanfilippo E., 2010]. Последовавшие за кейнсианством позиции, заинтересованные в эффективном политико-правовом строительстве в рамках либеральной идеологии, осуществили реконструкцию классических понятий, заложенных в эпоху Модерна. Так, в рамках нео- и посткейнсианства в качестве основной причины снижения эффективности функционирования политико-правовых институтов определяется диктат государства, приводящий к излишнему контролю сфер общественной жизни [Cogan, Cwik, Taylor, Wieland, 2010].

Идеология глобализма как платформа для осуществления политико-правовых институциональных преобразований

Факт генезиса неолиберализма, по своей сути, означал появление программы модификации властных институтов с акцентом на индивидуальных свободах и одновременному примату свободного рынка в ускоряющейся динамике процессов глобализации. Вторая половина двадцатого столетия вообще отчетливо показала огромное влияние глобализации на формирование современной миросистемы и институциональное устройство стран «ядра». Сущность данного влияния может быть хорошо представлена за счет, например, ставшего хрестоматийным определением А.И. Уткина, как объединения множества разнонаправленных процессов «слияния национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационном сближении, планетарной научной революции» [Уткин, 2001, 29].

Одновременно с усилением интеграционных вопросов традиционные идеологические течения сохраняют свой потенциал и, как следствие, силу сегодня. На самом деле они подвергаются содержательным идейным трансформациям в части предоставления интерпретации процессов для той или иной сферы общественной жизни в соответствии с новыми запросами социальных контрагентов и, разумеется, с учетом глобализации. Так глобализм де факто становится новой идеологической платформой, позволяющей реализовывать, главным образом, процессы моделирования современной нам политико-правовой реальности и социальные преобразования в целом. Приведем «идеологически

окрашенное», определение глобализма, встретившееся в одной из современных научных работ, которое, по нашему мнению, наиболее удачно передает его суть: «Идеология с установленной проекцией характерных принципов и методологии, таким образом, глобализация выступает инструментом реализации теоретического поля данной проекции» [Постол, 2013, 146]. Обретя черты идеологического проекта, глобализм распадается на «рыночный» и «справедливый» варианты [На, Cain, 2017]. Эти доктрины призваны не только оказать содействие в определении причин и последствий неэффективного функционирования властных институтов и, в соответствии с этим, способствовать усовершенствованию регламентации их практик, но и преодолеть кризис господствовавшего либерализма [Перегудов, 2015].

«Рыночный» глобализм направлен не на комплексную модернизацию политико-правовых институтов, созданных либерализмом и его конфигурациями ранее, но на частичную оптимизацию политико-правовых канонів, социальной реальности, состоит в точечной коррекции политико-правовой, экономической, социальной сфер жизнедеятельности. «Рыночный» вариант глобализма, что следует из анализа его идеологием, фактически представляет собой продолжение инсталляции идей либеральной доктрины, но с учетом проделанной ориентации на международное пространство [Постол, 2013, 147]. Современная нам миросистема, сформированная под влиянием идеологии «рыночного глобализма», характеризуется рядом признаков, среди которых следует выделить:

- 1) демонтаж национального государства;
- 2) снижение реальной заработной платы и социальных гарантий;
- 3) перенос производства в страны с дешевой рабочей силой, в страны периферии и полупериферии [Черненко, 2013, 29].

Еще одну особенность «рыночной» версии глобалистской идеологии можно выделить в наличии двух взаимоисключающих начал. С одной стороны это желание субъектов власти повысить производственные мощности и, тем самым, увеличить уровень потребления, который бы привел к воцарению «консьюмеристского общества» [Бодрийяр, 2006; Разинов, Шеховцева, 2017; Козлов, 2017]. В то же время следует отметить, что таковое желание сопряжено с одновременным недостатком у людей не только финансовых ресурсов, но и хотя бы мер социальной защищенности [Кастельс, 2000].

Как результат развертывания идеологием «рыночного» варианта глобализма и одновременного усиления глобализационных процессов – порождение множества международных «глобальных общественных институций» [Вебер, 2002], которые, согласно З. Бжезинскому, являются инструментом поддержания учреждающегося (после «Холодной войны») «американского верховенства» [Бжезинский, 2017] уже упомянутого Цыганковым Вашингтонского миропорядка [Цыганков, 2019]. На наш взгляд, такие реалии новой мир-системы наиболее адекватно иллюстрирует цитата Е.Е. Постол, которая отмечает, что «неравномерная стратификация политических прерогатив и экономических активов формирует доминирующий потенциал одних стран над другими, ограничивая развитие периферийных экономик» [Постол, 2013, 147].

Тем не менее, не только США, но и страны Западной Европы, а также Япония на начальных этапах глобализации и интеграции национальных экономик в единое экономическое пространство являлись не иначе как главными бенефициарами. Европейские страны, а именно Великобритания, Германия (ФРГ), Франция, а также Япония сосредоточивают в своих руках властные полномочия за счет эффективности проводимой государственным аппаратом политики и сосредоточения высокотехнологичных отраслей в структуре национальной

экономики, а также свободного квалифицированного труда [Бабурина, 2009].

Закономерное усиление позиций вышеперечисленных стран на мировой арене приводит не к простому росту популярности моделей их устройства. На самом деле такое расположение сил способствует реализации идей либерально-демократического государства, обеспечивших инструментарий при демонтаже старых режимов и распаде государств (прежде всего – идеологических противников: СССР, Чехословакия, Югославия) и государственных альянсов (Организация Варшавского договора, Союз экономической взаимопомощи). На практике это способствует выбытию из участия в социальных практиках неэффективных властных институтов либо их реформированию, а также созданию новых установлений данных моделей, как правило, заимствованных у стран с развитой демократией, обеспечивший их (в первую очередь США) геэкономический триумф [Караганов, 2008].

Практически мгновенно глобальные способы организации капиталистического производства вовлекают сотни миллионов людей в беспрецедентный до этого экономический подъем, что привело к масштабному перераспределению человеческих и экономических ресурсов в пользу государств «ядра». Поэтому неудивительна кажущаяся интеллектуалам правильность западных политико-правовых и экономических версий демократической модели, которые якобы одержали окончательную победу, приведя к «концу истории» [Фукуяма, 2015] и соответствующее мнение, что единственным способом поддержания эффективного социального порядка являются отражающие либеральные идеи властные институты. Однако получение властными субъектами доступа к новым объемам ресурсов не способствовало осуществлению необходимых реформ в финансово-экономической и производственной сферах в полной мере. Итогом таких осуществленных полумер стало логичное усугубление проблем в экономической сфере, причем заметней всего это проявилось в Соединенных Штатах Америки, которые, по сути, стали самым наглядным примером последствий отказа и отлагательств от актуальных и требуемых преобразований.

Таким образом, на рубеже прошлого и настоящего столетий развитие государств, относящихся к «ядру», претерпевает замедление и начинает отставать от новых «точек роста» в рамках перекраивающейся системы международных отношений. Обратим внимание, что если сначала в рамках глобализирующегося мира господства было за Западной Европой и США, то теперь высвечиваются новые центры мирового развития – Индия и КНР, а позднее – Бразилия, Россия и ЮАР [Астахов, 2016; Шонин, Миннихметова, 2014]. Данный успех выглядел парадоксом, как и последовавшее за ним массовое перераспределение мирового валового продукта в сторону азиатских, латиноамериканской и южноафриканской и стран.

Более того, достаточно долгое использование либо насаждение либеральных ценностей, которое особо ярко отразилось в «социальной экзистенции» вне зависимости от модели социального устройства и даже степени преобладания тех или иных форм капитализма с его характерными устремлениями умножения производства и богатства, то на деле это приводит к асимметричным проявлениям, существенно отличающихся от желаемых представлений, которые можно обнаружить даже при поверхностном знакомстве с интеллектуальным наследием собственно идеологов либерализма. Выходит, что итогом многочисленных кризисных явлений для современной миросистемы и, в особенности, подтверждением снижения эффективности функционирования созданных демократами политико-правовых институтов становится подорванный авторитет либеральной идеологии и их закономерная последовательная критика.

Также мы обращаем внимание, что одной из важнейших характеристик современной

миросистемы становится унификация закономерностей политико-правового устройства, опосредующим не только социально-экономическую, но и культурную сферы. На деле это приводит к обрушению национальных территориальных ограничений, приводя к беспрецедентным по своим масштабам глобальным вызовам. Абзацем выше мы отметили появление критических настроений в риторике интеллектуалов по отношению к «рыночному» варианту идеологии глобализма. Например, в качестве основных недостатков идеологии можно отметить множественные злоупотребления авторитетом политическим акторов в рамках международного пространства, а также интенции, устремленные создать глобальное общество и соответствующую ему «глобальную» идеологию при фактическом игнорировании национальных и региональных особенностей отдельных социумов [Бокачев, 2010; Тормошева, 2017].

Другие ученые неоднократно подчеркивают, что результат становления «рыночного глобализма» является сумма событий по формированию «общества потребления» и сопровождающим его тенденциям, связанным с усилением разрыва и неравенства, причем и в рамках национальных социумов, и между странами ядра и периферии. Французские исследователи денег М. Аглиетта и А. Орлеан отмечают, что современному обществу характерен крайний индивидуализм [Зарубина, 2008-1; Зарубина, 2008-2], в особенности – «автономия и индивидуальная свобода достигаются здесь отрицанием других, и контакт с товарами всегда предпочтительнее отношений с другими людьми», у людей возникает «аллергия на других» [Аглиетта, Орлеан, 2006, 54-55]. Повсеместная диффузия и последующее утверждение идеологием индивидуализма все же способствует закреплению потребительских мотивов мирового населения.

И.А. Черненко подмечает, что трансформации межличностных и иных форм социальных взаимодействий способствуют их переносу в виртуальное пространство, которое «предстает перед обществом в виде светских новостей и картин “красивой жизни” с обложек глянцевого журналов» [Черненко, 2013, 32], а само общество, согласно Г. Дебору, превращается в «общество спектакля», в котором абсолютное большинство социальных связей опосредуются различными образами [Дебор, 1999]. В «обществе спектакля» все традиционные политико-правовые институты, как и само взаимодействие между людьми, подменяется демонстрацией виртуальных образов проживаемой жизни, способствуя усилению складыванию таких потребительских практик, в контексте которых «многие наблюдают за немногими» [Томбу, 2013, 376].

В странах периферии и полупериферии изменяется паритет между традиционно считающимися богатыми и бедными социальными группами, что фактически переиначивает такой основополагающий феномен, которым является «культура богатства» [Зарубина, 2008-1; Зарубина, 2008-2]. Таким образом, для экономической сферы общественной жизни нормальными становятся тенденции, связанные с массовым разорением занятого (де факто эксплуатируемого) населения и его последующим обнищанием вследствие неполной оплаты труда и повальной урбанизацией [Алексеев, Зубаревич, 2000; Казначеева, 2007]. Целесообразно указать, что в данных регионах, как правило, стихийно и в значительных объемах оседает импорт продукции зарубежной индустрии разнообразной профилизации. Такие необдуманные практики, как правило, негативно сказываются на трансформациях исторически сложившихся структур, в особенности на обновлении традиционных для конкретного социального пространства политико-правовых институтах и характерным игнорированием контекстуальных реалий [Зарубина, 2013].

Вне зависимости от стандарта, выбранного для описания современного нам общества (общество риска, общество события, общество второй модерности, сетевое общество, постиндустриальное либо информационное общество или же общество позднего либо нового капитализма [Белл, 2004; Кастельс 2000]), оно «по умолчанию» несет в себе сущностные черты с ярко выраженной «индустриализацией и урбанизацией, стандартизацией производства, бюрократизацией общественной жизни, распространением “массовой культуры”, абсолютизацией материальных потребностей человека и приданием потребительству статуса высшей социальной и нравственной ценности» [Томбу, 2013, 376]. Во всех отмеченных моделях социума отмечается кризис традиционных политико-правовых институтов, но в то же время значительные властные полномочия переходят в руки СМИ.

Современные медиа принимают на себя функции не только традиционные функции, связанные с отображением реальности, но теперь они в первую очередь заняты формированием и имплементацией фреймов в индивидуальное и коллективное сознание [Дроздова, 2014]. Посредством новых практик, обращенных на работу с интерпретационными схемами, которые люди будут использовать для «правильного» понимания различных процессов, среди прочих политико-правовых институтов появляется «медиакратия». В современной научной литературе приведенный термин определяется как «комплекс явлений участия журналистики в процессах, как-либо связанных с властными полномочиями; встраивания журналистики как системы в процесс распределения и отправления властных полномочий в обществе постмодерна» [Томбу, 2013, 376]. Говоря другими словами, происходит сращивание медиа и власти.

Осуществляемое при участии новых медиа продуцирование и диффузия либерально-демократических идеологем с акцентами на свободе индивидуальности и ограничении властных полномочий государства, как и моделирование различных процессов, пока что не дают возможности однозначно оценить результаты этой деятельности для политико-правовой реальности. Во-первых, это связано с самой природой идей, которые по-разному воплощаются в контексте тех или иных, пусть даже максимально похожих друг на друга, государств. Во-вторых, можно заметить некоторую деформацию самой политико-правовой сферы в связи трансформациями идей о национальном правительстве. В-третьих, нарастание кризисных тенденций не только внутри самого суперинститута государства, но и различные повороты внутри «рыночной» версии глобализма и, соответственно, всей миросистемы. Итак, отсюда можно констатировать, что глубокий кризис современных нам политико-правовых сфер в рамках общепланетарного масштаба говорит о неоправданности потенциала глобалистских идей в его «рыночном» варианте.

Реалии усложняющегося мира и «справедливая» версия глобализма

Альтернативной идейной базой становится так называемая «справедливая» версия глобализма. Основу данной идеологической платформы составляют принципы осуществления властных практик, которые раскрываются через превалирование политического над феноменом стандартизации, как и сосредоточение на демократизации и доминировании гуманизма в социальном пространстве в целом. Являясь, по сути, продолжением «рыночного» варианта, «справедливый» глобализм фундирован идеями либерально-демократического государства, оцениваемых нами в качестве попыток устранения ряда асимметричных компонентов, которые существуют в его «рыночной» версии [Руденко Н.С., Руденко Т.Н., 2008].

Вариативность, отводимая полномочиям политико-правовым институтам и их роли в

международных отношениях, закладывает необходимость осуществления перманентных модернизационных преобразований взамен непоследовательной риторике, проявляющейся преимущественно в критике неолиберализма [Хмелинин, Русакова, 2014]. Важным для сегодняшних мировых реалий является соответствие реальных институциональных практик политико-правовой сферы таким мегатрендам, как электронное правительство и создание соответствующих цифровых сервисов государственных услуг, что способствует формированию демократии прямого участия [Грачев, 2012].

Однако ряд национальных государств, в составе которых отмечаем и Росси, стремится к ограничению деятельности отдельных международных организаций, продвигающих в эти страны идеи «справедливого» глобализма. Говоря предметно о Российской Федерации, стоит упомянуть о запрете на ее территории деятельности такой организации, как USAID (2012 г.) [Mangott, Franz, 2014], принимавшей активное участие в разработке демократических процедур и соответствующем политико-правовом институциональном (пере)устройстве. Тем не менее, можно задаться далеко не одним вопросом: как бы логика и имплементация идей «справедливого» варианта глобализма отразилась в российской действительности? Стоит полагать, что положительно, поскольку помимо усиления интеграционных процессов в рамках международных отношений, на наш взгляд, это бы привнесло значительное разнообразие в состязательность политических движений и объединений, возможность организации и, вероятней всего, реализации большего количества гражданских инициатив и усиление общественной координации деятельности национальных правительств.

Более того, успешность интеграции сегодня зависит от вовлеченности мировых стран в глобальную коммуникационную сеть – Интернет. В частности, если в 90-х гг. прошлого столетия 90% контента мировой сети было представлено на английском языке [Graddol, 1997], в 2003 г. на английском создавалось и хранилось около 80% информации [Crystal, 2003]. Впоследствии в Интернет-коммуникации оказываются включенными и другие мировые страны. Так только численность пользователей Интернет-ресурсами в Российской Федерации достигает 76% от общего населения страны к 2018 г. [Global Digital, 2018], а остальные показатели («население», «активные пользователи социальных сетей», «уникальные пользователи мобильных приложений» и «активные пользователи мессенджеров») представлены на рисунке ниже (Рис. 1).

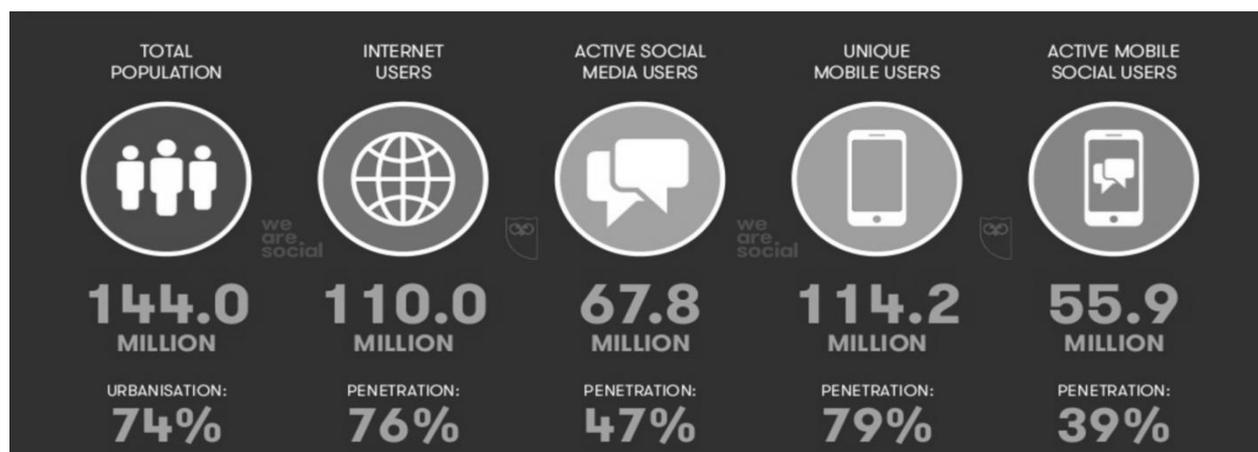

Рисунок 1 – Цифровые технологии в Российской Федерации

В свою очередь, увеличение численности пользователей сети в различных национальных странах способствует повышению доступности граждан к созданию и распространению информации, соответственно, что позволяет определить соответствие логике «справедливой» версии глобализма. Хотя, разумеется, создания отдельных политико-правовых институтов, точечных устранений недостатков существующей миросистемы недостаточно. Кроме этого, мы видим, что большинство преобразований относится к политико-правовой сфере, пока функционирование социально-экономических процессов продолжается, преимущественно, на основе идей «рыночного» глобализма, что продвигает и защищает интересы стран «ядра».

Критика практик действующих политико-правовых институтов способствует появлению и формированию относительного нового идейного течения «альтерглобализма» («антимондиализма»), в основании которого - отрицание интеллектуальных конструктов либерально-демократического толка на предмет государства и власти, что актуализирует поиск альтернативных путей глобализации и/ или национального развития. В то же время альтерглобализм не может быть отнесен к самостоятельной идеологической платформе. Во многом это связываем с отсутствием комплексной конструкции политико-правовых изменений, а также в связи с «генетическими» сходствами большинства выдвигаемых идей с мыслительными конструктами «справедливого» глобализма [Бузгалин, 2003; Бузгалин, 2008; Михайлова, 2011].

В какой-то мере кризис современного политико-правового институционального устройства, с одной стороны, и стремления осуществить демонтаж авторитаризма и власти, с другой – способствуют некоторого рода «ренессансу» анархизма, разрабатываемых еще М.А. Бакуниным, П.А. Кропоткиным П.-Ж. Прудоном, М. Штирнером и т.д. [Николаев, 2012]. В самых общих чертах, эти интеллектуалы настаивают на примате идей абсолютной свободы личности и общества, что позволило бы обеспечить саморегуляцию при общественных взаимодействиях, исключив привычные для современности политико-правовые институты, что, по нашему мнению, выглядит недостижимой утопией. Одним из наиболее ярких идеологов анархизма современности является Н. Хомский, который указывает на несовместимость либерализма и капитализма, подчеркивая естественность безвластия, не просто вытекающую из кризиса Просвещения, но являющейся витальной для современного социума, в котором транснациональные корпорации и национальные правительства попросту подавили человека [Кузьмин, 2016; Chomsky, 2005].

Вообще все идеологические платформы, которые могут выступать основой для создания и/или обновления современных политико-правовых институтов, можно, в соответствии с позицией А. Цыганкова, представить двумя направлениями:

- 1) *алармистское*, представители которого обращают внимание на ускоряющиеся тенденции разрушения и распада международных институтов и систем и так называемое «осыпание» миропорядка (альтерглобализм, анархизм);
- 2) *стабилизаторское*, сторонники которого исходят из тезиса о преувеличенности идей распада миропорядка, отстаивая необходимость корректировок и оптимизации идей либерально-демократического устройства государства (различные либерально ориентированные концепции) [Цыганков, 2019].

Заключение

Таким образом, можно сделать выводы, что абсолютное большинство политико-правовых институтов современности основывается на идее либерально-демократического государства, а сама миросистема в условиях глобализации представляет собой открытую для трансформаций структуру, характеризующуюся усилением процедур демократизации и созданием организаций для решения проблем международного сотрудничества. Вместе с тем сегодня становится очевидным, что либерально-демократические идеи не могут выступать основой для создания новых политико-правовых институтов и успешной реализации в странах периферии за счет игнорирования контекстуальных особенностей.

В результате глубокого пережитого кризиса либерально-демократических идей, которые оформились в идеологический проект к концу XVIII-началу XIX вв., на протяжении двадцатого столетия разрабатывались различные идейные модификации, некоторые из которых даже превратили в целые идеологические платформы. Исходя из проведенного анализа, на сегодняшний день наиболее перспективным направлением развития идей как основ для обновления и создания политико-правовых институтов является так называемый «справедливый» глобализм. Сильные стороны данного идеологического проекта состоят в осуществлении им рецепции предыдущих интеллектуальных конструкторов и учете их преимуществ, а также предложении комплекса вариативных для различных обществ мер по оптимизации асимметричных компонентов не только либерально-демократической идеологии, но и ее конфигураций, которыми являются, например, неолиберализм и «рыночный» вариант собственно глобализма. На сегодняшний день в различных мировых странах «ядра» и ряде государств «полупериферии» политико-правовые институциональные трансформации происходят согласно логике именно «справедливого» глобализма. Отдельно стоит отметить, что уже созданы электронные правительства, в ряде государств наблюдается усиление значимости эколого-ориентированных политических партий и т.д. Тем не менее, одной из важнейших задач, которые стоят на повестке дня перед многими странами, выступает реконструкция политического авторитета национального государства, причем, указанная задача наиболее остро стоит не перед США, которые на сегодняшний день объективно являются сверхдержавой, но в большей степени перед странами Западной Европы.

Библиография

1. Аглиетта М., Орлеан А. (2006) Деньги между насилием и доверием. М.: ГУ-ВШЭ. 234 с.
2. Алексеев, А.И. Зубаревич Н.В. (2000) Кризис урбанизации: формирование нового образа жизни // Проблемы прогнозирования. №1. С. 138-146.
3. Алексеева Т.А. (2011) Неолиберальное государство в контексте глобализации // Сравнительная политика. Т. 2. № 2 (4). С. 44-57.
4. Астахов Е.М. (2016) БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. № 1 (46). С. 42-50.
5. Бабурина О.Н. (2009) О генезисе и стадиях глобализации мировой экономики // Финансы и кредит. №14 (350). С. 43-50.
6. Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 944 с.
7. Бжезинский З. (2017) Великая шахматная доска. М.: АСТ. 256 с.
8. Бодрийяр Ж. (2006) Общество потребления. М.: Республика. 268 с.
9. Бокачев И.А. (2010) Глобальное и национальное в условиях современного миропорядка // Власть. № 3. С. 123-126.
10. Бузгалин А.В. (2008) Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. № 1. С. 120-127.

11. Бузгалин А.В. (2003) Альтерглобализм как феномен современного мира // Полис. Политические исследования. № 2. С. 71-85.
12. Валлерстайн И. (2018) Миросистемный анализ: Введение. М. URSS. 304 с.
13. Вебер А.Б. (2002) Неoliberalная глобализация и ее оппоненты // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2. С. 22-36.
14. Геворкян М.В. (2010) Истоки теории разделения властей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 11. С. 116-120.
15. Грачев М.Н. (2012) «Электронная демократия» и «электронное правительство»: как это работает // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 268-285.
16. Дроздова А.В. (2014) Визуальность как феномен современного медиаобщества // Дискуссия. № 10 (51). С. 29-36.
17. Дебор Г. (1999) Общество спектакля. М.: Издательство «Логос». 224с.
18. Зарубина Н.Н. (2008) Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализаций // Социологические исследования. № 10 (294). С. 13-23.
19. Зарубина Н.Н. (2008) Динамика культуры богатства в условиях экономической глобализации // Вестник МГИМО Университета. № 1 (1). С. 60-68.
20. Зарубина Н.Н. (2013) Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. Т. 6. № 2. С. 29-45.
21. Казначеева Н. Л. (2007) Кризис труда и капитала: проявление и преодоление // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 1. С. 23-34.
22. Караганов С. (2008) Новая «Холодная война» // Россия и мусульманский мир. № 12. С. 16-25.
23. Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
24. Козлов Д.В. (2017) Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента // Полис. Политические исследования. № 1. С. 85-98.
25. Кузьмин Е.А. (2016) Этика современного капитализма // Молодой ученый. №21. С. 394-399.
26. Михайлова А.С. (2011) Альтерглобализм как идеология и практика антиглобализма // Социология власти. № 6. С. 85-91.
27. Николаев И.В. (2012) Моральные источники критики государства в анархизме // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. № 3. С. 244-256.
28. Перегудов С.П. (2015) Либерализм XXI века - кризис или обновление? // Полис. Политические исследования. № 4. С. 64-74.
29. Постол Е.Е. (2013) Модификация идеологической архитектоники глобализма и альтернативные пути преодоления кризиса капитализма // PolitBook. № 2. С. 142-154.
30. Равочкин Н.Н. (2018) Анализ значения философских идей в становлении политических и правовых институтов в индустриальном обществе // Теология. Философия. Право. № 3 (7). С. 53-66.
31. Равочкин Н. Н. (2018) Идеиная детерминация политических и правовых процессов (Античность, Средневековье, Возрождение) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». № 9 (сентябрь). С. 240-246.
32. Разинов Ю.А., Шеховцева Д.М. (2017) Желание и жертва // Международный журнал исследований культуры. № 4 (29). С. 88-96.
33. Рашковский Е. (2005) Рецензии «Во все дни жизни своей...» // Вестник Европы. №13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/13/recenzii-20.html> (Дата обращения: 12.09.2019)
34. Руденко Н.С., Руденко Т.Н. (2008) Глобализация в дискурсах демократий. Запорожье. 356 с.
35. Томбу Д.В. (2013) Политические дискурсы общества потребления // Преподаватель XXI век. № 2-2. С. 375-386.
36. Тормошева В.С. (2017) Акторы современного политического пространства в контексте транснационализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 37. С. 280-290.
37. Уткин А.И. (2001) Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, С. 29
38. Фукуяма Ф. (2015) Конец истории и последний человек. М.: АСТ. 576 с.
39. Хмелинин А.А., Русакова О.Ф. (2014) Проблема критического анализа неолиберализма в современной политической философии // Социум и власть. № 2 (46). С. 41-48.
40. Цыганков Андрей (2019) Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Epokha-poluraspada-ot-miroporjadka-k-miroperekhodu-20029> (Дата обращения: 12.09.2019)
41. Черненко И.А. (2013) Трансформация социальных институтов в России и мире // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. № 2 (174). С. 28-35.
42. Шонин Н.Е., Миннихметова К.И. (2014) БРИКС: Проблемы и перспективы сотрудничества // Вестник Башкирского университета. Т. 19. № 1. С. 199-204.

43. Chomsky N. On Anarchism. AK Press, 2005. 256 p.
44. Cogan J.F., Cwik T., Taylor J.B., Wieland V. (2010) New Keynesian versus old Keynesian government spending multipliers // *Journal of Economic Dynamics and Control*, Volume 34, Issue 3, pp. 281-295 <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2010.01.010>
45. Crystal D. (2003) English as a global language. Cambridge University Press. 229 p.
46. D'Orlando F., Sanfilippo E. (2010) Behavioral foundations for the Keynesian consumption function // *Journal of Economic Psychology*, Volume 31, Issue 6, pp 1035-1046 <https://doi.org/10.1016/j.joep.2010.09.004>
47. Global Digital (2018) <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018>
48. Götz E., Merlen C.-R. (2019) Russia and the question of world order. // *European Politics and Society*, 20 (2). pp. 133-153. doi:10.1080/23745118.2018.1545181
49. Graddol D. (1997) The future of English // *Analysing English in a Global Context*. London: Routledge. 288 p.
50. Ha E., Cain N.L. (2017) Who governs or how they govern: Testing the impact of democracy, ideology and globalization on the well being of the poor // *The Social Science Journal*, Volume 54, Issue 3, pp. 271-286 <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2017.01.010>
51. Mangott G., Franz E. (2014) From Reset to Paralysis? // *Die Beziehungen zu Russland und die Zukunft der amerikanischen Weltführungs politik*. Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag Trier. pp. 181–219.

The ideological determination of political and legal institutional transformations in the XX–XXI centuries

Nikita N. Ravochkin

PhD in Philosophy,
Associate Professor of Humanities and Legal Disciplines Department,
Kuzbass State Agricultural Academy,
650056, 5, Markovtseva st., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Abstract

The article is a continuation of the theme of the role of ideas developed by the author in social engineering and is devoted to the analysis of one of the options for the ideological determination of institutional transformations in the political and legal sphere in the XX-XXI centuries. As a methodology, the author refers to his own synthetic research program, which includes many approaches, among which civilization, means of historical macro-sociology, memetic and several others are chosen. In the introduction, taking into account the contribution made by the author, the outline of the article is proposed. In the first part of the work, the world-system structure of planetary existence is examined and its ideological determination is established by the ideas of classical social philosophy (prominent intellectuals of Modernity). The next part is devoted to the study of globalist ideology (formed by the most authoritative ideas and re-articulated in accordance with the interests of the “core” countries) in its “market” version, which organically fits into the Wallerstein world-system, but nonetheless ignores the contextual realities of political and legal institutional transformations of the countries of the “periphery” and “half-periphery”. Thus, one of the alternatives for the implementation of the declared transformations in a complicated world, as the author shows, is a “fair” version of the ideology of globalism. In conclusion, the results are summarized and conclusions are summarized.

Nikita N. Ravochkin

For citation

Ravochkin N.N. (2019) Idejnaja determinacija politiko-pravovyh institucional'nyh preobrazovanij v XX–XXI vv. [The ideological determination of political and legal institutional transformations in the XX–XXI centuries]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (4A), pp. 150-165. DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.007

Keywords

Ideas, institutions, political and legal institutions, ideology, globalism, ideological determination.

References

1. Aglietta M., Orlean A. (2006) *Den'gi mezhdru nasiliem i doveriem* [Money Between Violence and Trust]. Moscow: GU-VSHE. [SU-HSE]. 234 p.
2. Alekseev, A.I. Zubarevich N.V. (2000) Krizis urbanizacii: formirovanie novogo obraza zhizni [The crisis of urbanization: the formation of a new lifestyle] // *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems]. 1. pp. 138-146.
3. Alekseeva T.A. (2011) Neoliberal'noe gosudarstvo v kontekste globalizacii [Neoliberal State in the Globalization Context] // *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics]. Vol. 2. 2 (4). pp. 44-57.
4. Astakhov E.M. (2016) BRIKS: perspektivy razvitiya [The Place of BRICS in World Politics] // *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. 1 (46). pp. 42-50.
5. Baburina O.N. (2009) O genezise i stadiyah globalizacii mirovoj ekonomiki [On the genesis and stages of globalization of the world economy] // *Finansy i kredit* [Finance and Credit]. 14 (350). S. 43-50.
6. Bell D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The upcoming post-industrial society. Social Forecasting Experience]. Moscow: Academia [Academy]. 944 p.
7. Bzhezinskij Z. (2017) *Velikaya shahmatnaya doska* [Great Chess Board]. Moscow: AST. 256 p.
8. Bodriyyar ZH. (2006) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer society]. Moscow: Respublika [Republic]. 268 p.
9. Bokachev I.A. (2010) *Global'noe i nacional'noe v usloviyah sovremennogo miroporyadka* [Global and national in the modern world order] // *Vlast'* [The Authority]. 3. pp. 123-126.
10. Buzgalin A.V. (2008) Al'terglobalizm: v poiskah pozitivnoj al'ternativy novoj imperii [Alter globalization: in search of a positive alternative to the new empire] // *Vek globalizacii* [Age of globalization]. 1. pp. 120-127.
11. Buzgalin A.V. (2003) Al'terglobalizm kak fenomen sovremennogo mira [Alterglobalism as a Phenomenon of the Modern World] // *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2. pp. 71-85.
12. Wallerstein I. (2018) *Mirosistemnyj analiz: Vvedenie* [World-Systems Analysis. An Introduction]. Moscow: URSS. 304 p.
13. Veber A.B. (2002) Neoliberal'naya globalizaci i ee opponenty [Neoliberal globalization and its opponents] // *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (ZHurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [Politeia]. 2. pp. 22-36.
14. Gevorkyan M.V. (2010) Istoki teorii razdeleniya vlastej [The origins of the theory of separation of powers] // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social Sciences]. 11. pp. 116-120.
15. Grachev M.N. (2012) «Elektronnaya demokratiya» i «elektronnnoe pravitel'stvo»: kak eto rabotaet [«E-democracy» and «e-government»: how it works] // *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika / pod red. L. N. Timofeevoj. M.: Rossijskaya asociaciya politicheskoy nauki (RAPN); Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN)* [Political communication: theory, methodology and practice / ed. L. N. Timofeeva. Moscow: Russian Association of Political Science (RAPN); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)]. pp. 268-285.
16. Drozdova A.V. (2014) Vizual'nost' kak fenomen sovremennogo mediaobshchestva [Visuality as a modern media community phenomenon] // *Diskussiya* [Discussion]. 10 (51). pp. 29-36.
17. Debor G. (1999) *Obshchestvo spektaklya* [Performance society]. Moscow: Izdatel'stvo «Logos» [«Logos» Publishing House]. 224 p.
18. Zarubina N.N. (2008) Den'gi i kul'tura bogatstva: perspektivy social'noj otvetstvennosti biznesa v usloviyah globalizacij [Money and culture of wealth: prospects for social responsibility of business under global conditions] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 10 (294). pp. 13-23.
19. Zarubina N.N. (2008) Dinamika kul'tury bogatstva v usloviyah ekonomicheskoy globalizacii [Wealth culture dynamics in the economic globalization context] // *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. 1 (1). pp. 60-68.
20. Zarubina N.N. (2013) Uproshchenie massovyh social'nyh praktik kak vektor transformacii povsednevnosti v slozhnom

- sociume [Simplification of mass everyday practices as a transformation vector in complex societies] // *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology]. Vol. 6. 2. pp. 29-45.
21. Kaznacheeva N. L. (2007) Krizis truda i kapitala: proyavlenie i preodolenie [Labor and capital crisis: manifestation and overcoming] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics]. 1. pp. 23-34.
  22. Karaganov S. (2008) Novaya «Holodnaya vojna» [New «Cold war»] // *Rossiya i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world]. 12. pp. 16-25.
  23. Kastel's M. (2000) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economics, Society, and Culture]. Moscow: GU-VSHE. [SU-HSE]. 608 p.
  24. Kozlov D.V. (2017) Massovoe politicheskoe povedenie v sovremennoj Rossii v svete koncepcii resentimenta [Political Behavior in Modern Russia in the Light of the Ressentiment Concept] // *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 1. pp. 85-98.
  25. Kuz'min E.A. (2016) Etika sovremennogo kapitalizma [Ethics of Modern Capitalism] // *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 21. pp. 394-399.
  26. Mihajlova A.S. (2011) Al'terglobalizm kak ideologiya i praktika antiglobalizma [Al'terglobalizm as ideology and practice antiglobalism] // *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. 6. S. 85-91.
  27. Nikolaev I.V. (2012) Moral'nye istochniki kritiki gosudarstva v anarhizme [Moral sources of criticism of the state in anarchism] // *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij* [The political conceptology: journal of metadisciplinary research]. 3. pp. 244-256.
  28. Peregudov S.P. (2015) Liberalizm XXI veka – krizis ili obnovenie? [The XXI Century Liberalism – Crisis or Rejuvenation?] // *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 4. pp. 64-74.
  29. Postol E.E. (2013) Modifikaciya ideologicheskoy arhitektoniki globalizma i al'ternativnye puti preodoleniya krizisa kapitalizma [Globalism ideological architectonics modification and alternative ways to overcome the crisis of capitalism] // *PolitBook*. 2. pp. 142-154.
  30. Ravochkin N.N. (2018) Analiz znacheniya filosofskih idej v stanovlenii politicheskikh i pravovykh institutov v industrial'nom obshchestve [Analysis of the importance of philosophical ideas in the formation of political and legal institutions in an industrial society] // *Teologiya. Filosofiya. Pravo* [Theology. Philosophy. Law]. 3 (7). pp. 53-66.
  31. Ravochkin N.N. (2018) Idejnaya determinaciya politicheskikh i pravovykh processov (Antichnost', Srednevekov'e, Vozrozhdenie) [The ideological determination of political and legal processes (Antiquity, the Middle Ages, the Renaissance)] // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Concept]. 9. pp. 240-246.
  32. Razinov YU.A., SHEkhovceva D.M. (2017) ZHelanie i zhertva [Desire and sacrifice] // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Research]. 4 (29). pp. 88-96.
  33. Rashkovskij E. (2005) Recenzii «Vo vse dni zhizni svoej...» [Reviews «In all the days of his life ...»] // *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 13. [E-source]. – Access mode: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/13/recenzii-20.html> (Date of access: 12.09.2019)
  34. Rudenko N.S., Rudenko T.N. (2008) *Globalizaciya v diskursah demokratij* [Globalization in the discourses of democracies]. Zaporozh'e [Zaporozhye]. 356 p.
  35. Tombu D.V. (2013) Politicheskie diskursy obshchestva potrebleniya [Political Discourses of a Consumer Society] // *Prepodavatel' XXI vek* [Prepodavatel XXI vek]. № 2-2. pp. 375-386.
  36. Tormosheva V.S. (2017) Aktory sovremennogo politicheskogo prostranstva v kontekste transnacionalizacii [Actors of political space in the context of transnationalization] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 37. pp. 280-290.
  37. Utkin A.I. (2001) *Mirovoj poryadok XXI veka* [World order of the XXI century]. Moscow: Algoritm [Algorithm]. P. 29
  38. Fukuyama F. (2015) Konec istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man]. Moscow: AST. 576 p.
  39. Hmelinin A.A., Rusakova O.F. (2014) Problema kriticheskogo analiza neoliberalizma v sovremennoj politicheskoy filosofii [Problem of critical analysis of neoliberalism in modern political philosophy] // *Socium i vlast'* [Society and Power]. 2 (46). pp. 41-48.
  40. Cygankov Andrej (2019) Epoha poluraspada: ot miroporyadka k miroperekhodu [Half-life: from the world order to the world transition] // *Rossiya v global'noj politike* [Russia in global politics]. 2. [E-source]. Access mode: <https://globalaffairs.ru/number/Epokha-poluraspada-ot-miroporyadka-k-miroperekhodu-20029> (Date of access: 12.09.2019)
  41. CHernenko I.A. (2013) Transformation of social institutions in Russia and the world // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki* [University news. North-Caucasian region. Social sciences series.]. 2 (174). pp. 28-35.
  42. SHonin N.E., Minniahmetova K.I. (2014) BRIKS: Problemy i perspektivy sotrudnichestva [BRICS: Problems and Prospects for Cooperation] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. Vol. 19. 1. pp. 199-204.
  43. Chomsky N. On Anarchism. AK Press, 2005. 256 p.

-
44. Cogan J.F., Cwik T., Taylor J.B., Wieland V. (2010) New Keynesian versus old Keynesian government spending multipliers // *Journal of Economic Dynamics and Control*, Volume 34, Issue 3, pp. 281-295 <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2010.01.010>
  45. Crystal D. (2003) *English as a global language*. Cambridge University Press. 229 p.
  46. D'Orlando F., Sanfilippo E. (2010) Behavioral foundations for the Keynesian consumption function // *Journal of Economic Psychology*, Volume 31, Issue 6, pp 1035-1046 <https://doi.org/10.1016/j.joep.2010.09.004>
  47. Global Digital (2018) <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018>
  48. Götz E., Merlen C.-R. (2019) Russia and the question of world order. // *European Politics and Society*, 20 (2). pp. 133-153. doi:10.1080/23745118.2018.1545181
  49. Graddol D. (1997) *The future of English // Analysing English in a Global Context*. London: Routledge. 288 p.
  50. Ha E., Cain N.L. (2017) Who governs or how they govern: Testing the impact of democracy, ideology and globalization on the well being of the poor // *The Social Science Journal*, Volume 54, Issue 3, pp. 271-286 <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2017.01.010>
  51. Mangott G., Franz E. (2014) *From Reset to Paralysis? // Die Beziehungen zu Russland und die Zukunft der amerikanischen Weltführungspolitik*. Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag Trier. pp. 181–219.